

ПАМЯТНИК
ИЗ ЛЮДСКИХ
СЕРДЕЦ

ОЛЕСЬ БЕНЮХ

Я ЖИВУ в самом центре Нового Дели, на зеленой, опрятной улице Двенадцати Столбов. В пяти минутах езды от нашего дома — неуклюжего, аляповатого строения колониального британского стиля, которое стыдливо запряталось посреди строгих слоновых пальм, пушистых манго и раскидистых грейпфрутов, расположен новый железнодорожный вокзал.

По вечерам, когда стихает назойливый городской шум, я иногда отчетливо слышу призывные гудки паровозов и мерный, убаюкивающий перестук колес убегающих в ночь поездов. В такие минуты мне кажется, что все время, прожитое мною в Индии, я провел в вагоне быстро летящего экспресса, который в конце концов привезет меня на родину. В такие минуты я люблю совершать мысленные путешествия по уже пройденным мною когда-то дорогам. Джуллундур, Касаули, Бомбей, Нагпур, Тринеллелли... По встречавшимся на моем пути памятникам я пытался прочесть летопись страны, понять душу народа...

В Махабалиपुरаме я долго стоял у древней пагоды, которая одиноко высится там, где когда-то был большой, богатый город, и слушал повесть моря. Волны, ласковые, теплые, едва слышно шептались меж прибрежных камней, неторопливо рассказывали о могуществе человеческого разума, который побеждает тысячелетия и стихии.

«Здесь мы отняли у людей город, — говорили волны. — Но они построили сотни, тысячи новых городов. Мы свидетели смены династий, веков, эр. Неродов. Когда человек был слаб и беспомощен, как медуза. А сейчас? Вон он летит, словно молния, на огромной железной птице. И, повинуюсь его воле, птица наклоняется набок, приветствует пагоду. Ибо она стоит здесь как свидетель того, что поколения людей оказались сильнее поколений волн...»

Я вспоминаю Агру, белораморные стены Тадж-Махала. Султан Шах-Джехан приказал воздвигнуть

этот чудо-дворец — усыпальницу для своей жены Мумтаз-и-Махал. Но не ее памяти поклоняются люди. Царская усыпальница стала памятником творческому гению индийского народа, умелым рукам каменщиков, одухотворенной фантазии индийских архитекторов.

Но есть мертвый мрамор. От него веет холодом и смертью. Грозовой дым восстаний и сражений; кровь сипаев и жертв амритсарской бойни — целый Ганг крови; слезы несчастных матерей и вдов, от которых солонели воды океана, — вот что я вижу, когда смотрю на мраморных Георгов и Анн... Каменные короли и лорды, долженствующие наводить ужас на «туземцев», утверждать незыблемость Великой Империи Незаходящего Солнца и вечное господство белого над «цветным», по неумолимой иронии судьбы безмолвно твердят сегодня всем прохожим: «Все течет, все изменяется. В вечность канули времена безраздельного владычества сынов Альбиона над Индией...»

...По цветущим полям бесконечно долго шла не-
сметными полчищами ненасытная саранча. И поля
пожелтели, превратились в скудную пустыню. Доб-
рый великан, который жил в том краю, все это вре-
мя спал, плененный саранчой, как Гулливер лилипу-
тами. Но вот наконец проснулся великан, расправил
могучие плечи, вдохнул побольше воздуха — да как
дунул!.. И всю нечисть смело прочь. Но пустыню
саранча после себя оставила — как проклятие в на-
следство великану. Не растерялся он, не опустил
рук.

— Эге-ге-гей! Друзья, на помощь! — далеко раскатился его зов. Тотчас, как из-под земли, появился его сосед. Засучили они повыше рукава и принялись за работу. Не успело солнце трижды землю обойти, а великаны уже разбили посреди пустыни огромный оазис. Он давал живую воду на много-много миль в округе. Люди прозвали его «Исток новой жизни».

Сказка? Да, сказка. Но поезжайте в Бхилаи. Посмотрите на гигантские домны и мартены. Прислушайтесь внимательно к гудку, зовущему на работу тысячи строителей братства и молодости. Здесь рождается новая жизнь, прекрасная и светлая, здесь сказка становится былью.

Памятники, памятники — изваянные из камня и отлитые из металла, древние и совсем новые, достойные благоговейного поклонения и гневного проклятия...

На юге Индии есть один из самых трогательных и человечных памятников страны. Это не статуя и не храм. Всего лишь груда камней у придорожного дерева. Полтора века назад на этом месте был повешен британскими карателями национальный герой тамилы Каттабона Наяккан, предводитель отважных повстанцев. Не то чтобы разрешить памятник поставить — именем сиятельной британской короны англичане запретили под страхом смертной казни произносить вслух самое имя «мятежника».

И люди молчали. Но каждый путник, проходивший мимо места казни Наяккана, оставлял там камень.

Много воды утекло с тех пор. Сотни тысяч камней лежат у дороги под деревом недалеко от Трипельвелли. Не знающий этого священного места пройдет мимо, не обратив внимания, — камни и камни. Да есть ли хоть один тамил, который не знает?...

Вот подходят старик-крестьянин, пожилой интеллигент в конгрессиистой шапочке, молодой студент. Положили свои камни, стоят молча, сосредоточенные, задумчивые. Они оставили здесь не камни, нет, — частицу своего горячего, любящего сердца.